

Текст В.А. Каверина для написания сочинения ЕГЭ (№15)

(1) Почти невозможно было представить себе, что лишь неделю назад он защищал диссертацию на тему «Древнейшие сказания европейских народов». (2) А теперь?..

(3) Мёртвое, взрытое снарядами поле лежало перед ним, земля, на которой был посеян и взошёл хлеб, а потом сгорел и был развеян по ветру вместе с пороховым дымом, земля, на которой было сделано всё, чтобы человек не мог на ней существовать. (4) По одну сторону этого куска земли лежали, спрятавшись за глинистыми буграми, гитлеровцы, пришедшие в чужую, далёкую страну по приказу своего фюрера, уничтожающие, сжигающие всё на своем пути. (5) Неподалёку от них, по эту сторону мёртвого ржаного поля, лежал только один — кандидат филологических наук младший лейтенант Лев Никольский.

(6) Он был окружён и по всем правилам войны должен был положить оружие и сдаться в плен победителям. (7) Но он не считал себя побеждённым: пулемёт ещё работал, а если бы он замолчал, в ход пошли бы винтовка и гранаты. (8) Впрочем, он был не один. (9) Двенадцать мёртвых товарищей, которые ещё вчера вместе с ним защищали этот голый кусок земли с одинокой берёзой, лежали вдоль траншеи. (10) Тринадцатый оказался живым. (11) Это был разведчик Петя Данилов, любимец всего полка, талантливый и умный парень, писавший стихи и читавший их вслух в самые горячие минуты боя.

(12) Теперь он лежал, раненный в грудь навывлет, и смотрел в небо, осеннее, но ясное, с редкими, освещёнными снизу облаками. (13) Берёза вздрагивала от выстрелов, и жёлтые листья время от времени падали на раненого. (14) Один лист упал Пете на лицо, но Петя не смахнул его, не пошевелился.

(15) В одну из редких пауз тишины Никольский подполз к Пете и, смахнув лист, взял его за руку.

—(16) Ну как ты, а?

—(17)Ничего, — чуть слышно ответил Петя, — дышать трудно.
(18)Послушай...— он помолчал, потом стал с трудом вынимать из кармана гимнастёрки бумаги.

—(19)Тут мои стихи остались, пошли их вместе с письмом, ладно?

(20)Должно быть, не больше пяти минут он провёл с Петей, а уж немцы, воспользовавшись тем, что пулемёт замолчал, намного продвинулись к траншее. (21)Никольский дал очередь, другую — они залегли. (22)Потом снова стали приближаться, прячась между редкими пучками ржи, торчавшей в поле.

(23)Плохо было то, что слева, метрах в двухстах от берёзы, стояло орудие. (24)Правда, оно стреляло не по траншее, а в глубину, туда, где на горизонте были видны тёмные, ещё дымящиеся развалины сгоревшей деревни. (25)Но в любую минуту оно могло ударить и по траншее, которую защищало подразделение, состоящее из двенадцати убитых, одного серьёзно раненного и одного живого. (26)Эх, подобраться бы к этому орудю! (27)И тропка была — вот там, где за выходами взрытой бурой земли начиналось болотце с высокой травой. (28)Но нечего было и думать! (29)Он понимал, что немцы захватят траншею, едва только замолчит пулемёт...

(30)Никольский прислушался, и в первый раз его сердце дрогнуло, и он крепко сжал зубы, глаза, всё лицо, чтобы справиться с невольным волнением.
(31)Петя читал стихи, он бредил, но голос был ясный, звонкий:

Есть улица в нашей столице,
Есть домик, и в домике том
Ты пятую ночь в огневице
Лежишь на одре роковом...

(32)Петя читал, закрыв глаза, и каждое слово доносилось отчетливо и плавно. (33)У него было потемневшее страшное лицо, когда, сунув в кружку с водой руку, он начал водить ею по лицу, по глазам, (34)Потом вылил воду на голову и тяжело опершись на Никольского, пополз к пулемёту.

—(35)Есть! (36)Иди, — сказал он, схватившись за ручки пулемёта...

(37)Пробираясь по тропке к болотцу, Никольский услышал звонкий Петин голос, читавший стихи между пулемётными очередями:

Не снятся ль тебе наши встречи
На улице, в жуткий мороз,
Иль наши любовные речи
И ласки, и ласки до слёз?

(38)Втянув голову в плечи, он мягко опустился в траву и бесшумно пополз, скорее угадывая, чем видя чуть примятую, пересекавшую болото тропинку. (39)Он подобрался к орудию сзади и некоторое время лежал, слушая, как немцы разговаривали резкими уверенными голосами. (40)Он ждал, когда весь расчёт соберётся возле орудия.

(41)Немцы, занявшие траншею, были захвачены врасплох, и первым снарядом из уже заряженного орудия Никольский убил сразу же человек двадцать.

(42)За стихи, которые Петя читал между пулемётными очередями!
(43)За дымящиеся развалины сожжённой деревни! (44)За ограбленных женщин и детей, бродящих по лесам без крова и пищи. (45)За горе каждой семьи, за разлуку с близкими, за Аню с маленьким сыном, которых он, может быть, больше никогда не увидит.